

ЛИНЕИ
СЭНДС

Загадочное
превращение

Астрель
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 97

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Lynsay Sands
THE COUNTESS

Перевод с английского *Я.Е. Царьковой*
Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Bent Agency и Andrew Nurnberg.

Сэндс, Линси.

С 97 Загадочное превращение : [роман] / Линси Сэндс. —
Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-088014-0

После свадьбы муж Кристианы Мэдисон, граф Рэднор, превратился в жестокого, мелочного и желчного тирана, не способного к тому же исполнить супружеский долг. Стыдно сказать, графиня вздохнула с облегчением, узнав о его загадочной гибели. А потом... покойный супруг воскрес. Более того, к нему вернулось все его обаяние и мужественность.

Брак, начавшийся кошмаром, становится чередой дней и ночей, полных жаркой страсти, но Рэднора преследует таинственный шантажист, угрожающий открыть его жене всю правду..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-088014-0

© Lynsay Sands, 2011
© Перевод. Я.Е. Царькова, 2011
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2014

Глава 1

— Миледи.

Кристиана продолжала лежать на боку, свернувшись калачиком и укутавшись в одеяло. Она лишь приоткрыла один глаз, чтобы вопросительно взглянуть на склонившуюся над ней горничную Грейс.

— Ваши сестры здесь. — Эти три слова и настойчивый тон, которым они были произнесены, заставили ее тут же открыть второй глаз.

— Что? Мои сестры в Лондоне? — Кристиана резко откинула одеяло и села. — И здесь в этот час? Должно быть, что-то случилось, если они решили приехать так рано.

Она резко встала с постели.

— Именно так я и подумала, когда увидела, как они выходят из кареты, — призналась Грейс. — И потому я поспешила к вам. Если вы поторопитесь, то успеете одеться и спуститься вниз, пока ваш муж их не прогнал.

— Дикки так не поступит! — воскликнула Кристиана и тут же неуверенно добавила: — Ведь так?

— Как же! Это ему не впервой! Других-то он прогнал.

— Кого? — в ужасе пробормотала Кристиана. Голос ее звучал приглушенно, потому что в это время горничная через голову стаскивала с нее ночную рубашку.

— Леди Беккет, леди Гауэр, лорда Олливета и лорда Лэнгли... дважды. — Грейс отвернулась, чтобы взять бледно-голубое платье того же оттенка, что и глаза Кристианы. Этот цвет ей очень шел. Помогая Кристиане надеть его, она добавила: — И должна вам сказать, что если в первый раз лорду Лэнгли это просто не понравилось, то во второй раз он пришел в ярость.

— Могу себе представить, — со вздохом сказала Кристиана.

Усадьба Лэнгли граничила с Мэдисон-Мэнор, поместьем, в котором Кристиана выросла. Роберт, единственный сын и наследник соседского помещика, рос с ней и ее сестрами. Он был почти как член семьи, старший брат, которого у нее никогда не было. Ему едва ли понравилось бы, если бы ему дали от ворот поворот.

— Почему он мне ничего не сказал?

Грейс взяла щетку и принялась приводить в порядок волосы Кристианы. Ответила она не сразу.

— А какой в этом был бы смысл?

— Никакого, — со вздохом призналась Кристиана. Муж ее имел полное право отказывать от дома любому, в то время как она, как ей, увы, пришлось узнать, вообще не имела в этом браке никаких прав. Она вздохнула и болезненно поморщилась, когда Грейс стянула волосы в невыносимо тугий узел и заколола в пучок на макушке. После замужества Кристиана вынуждена была целыми днями носить эту старушечью прическу, которую она от всей души ненавидела. Не говоря уже о том, что она ее уродовала, из-за нее у Кристианы нещадно болела голова. Однако Дикки настаивал на этом ужасном пучке, поскольку считал, что строгая прическа способна научить Кристиану, отличавшуюся, по мнению мужа, вздорным нравом, сдержанности и терпению.

— Что могло привести моих сестер в этот дом? — с тревогой в голосе спросила Кристиана.

— Я не знаю, но, должно быть, что-то очень важное. Они не сообщали о том, что намерены приехать в Лондон, — веско заметила Грейс. — Ну вот, — сказала она, — я закончила.

Кристиана едва успела сунуть одну ногу в туфельку, как Грейс потащила ее к двери.

— Давайте же поскорее. Хавершем уже, должно быть, успел доложить лорду Рэднору. Будем надеяться, что мы не опоздали и ваш муж еще их не выгнал.

— Хотелось бы верить, — пробормотала Кристиана, прыгая на одной ноге и на ходу натягивая туфельку на вторую ногу.

Выйдя за дверь, Кристиана услышала взволнованные голоса Лизы и Сюзетты, доносящиеся из вестибюля первого этажа. Она нахмурилась, подумав о том, как невежливо держать ее сестер в коридоре. Никому и в голову не пришло проводить их в гостиную. Однако к Хавершему, дворецкому, у нее претензий не было, поскольку он лишь выполнял указания ее мужа, хозяина дома.

И тут она услышала голос Дикки.

— Боюсь, что моя жена еще спит, — говорил он надменным менторским тоном, делая особое ударение на словах «моя жена». — Я, — продолжал он, сделав многозначительную паузу после слова «я», — выбрал бы более подходящее время для подобного визита. Боюсь, что вам придется вернуться в городской дом вашего отца и отправить оттуда свои визитки.

— Разве мы не можем запросто заскочить и поговорить с Кристианой, Дикки? Мы же ее сестры, и у нас есть для нее важные новости. — В голосе Сюзетты мешались отчаяние, гнев и что-то похожее на нервное потрясение. Гнев, несомненно, вызывался высокомерием Дикки. Возможно, нервное потрясение тоже было вызвано манерой общения ее мужа с ближайшими родственницами жены, поскольку тот человек, с которым ее сестры столкнулись

сейчас, был совсем не похож на того Дикки, каким он был до свадьбы. Кристиана не сомневалась, что ее сестры испытывают ту же растерянность и тот же шок от внезапной перемены в нем, что испытывала сама Кристиана в первые шесть месяцев их брака. Однако отчаяние в голосе сестры ее по-настоящему беспокоило. Определенно случилось нечто очень неприятное.

— Все в порядке! Я уже не сплю! — крикнула Кристиана сверху, перегнувшись через перила лестницы.

Дикки тут же задрал голову, возмущенно уставившись на нее. Кристиана не могла сказать точно, что сердило его сильнее: то, что говорили сестры, или то, что сказала она. Дикки привык, чтобы ему подчинялись, чтобы приказы его выполнялись немедленно, и ему очень не нравилась настойчивость Сюетты. Однако в равной мере ему не могло понравиться и то, что она, Кристиана, появилась до того, как он успел отослать Сюетту и Лизу прочь, как, очевидно, поступал и с другими ее гостями.

Растянув рот в улыбке, призванной успокоить Дикки и изменить его настрой на более миролюбивый, Кристиана, спустившись в вестибюль, подошла к мужу и встала рядом с ним. У Дикки был ужасный характер, и в гневе он мог наговорить всякого. Кристиане приходилось мириться с оскорблениями и придирадками, но ей не хотелось, чтобы сестры ее стали свидетелями одного из гневных припадков мужа, которые так пугали Кристиану. Ей не столько внушала беспокойство его раздражительность как таковая, сколько сила и глубина его гнева. Ярость постоянно бурлила в нем, окутывала его, как черный плащ. Стоило ему лишь дать повод, как лицо его становилось пунцовым, черты искажались, появлялся звериный оскал. Он изрыгал проклятия, и в уголках его губ собиралась пена, как у бешеной собаки. При этом его начинало трясти, словно распирало от ярости и он вот-вот готов взорваться. И именно этого момента Кристиана старалась

по возможности избежать. Он был сильным мужчиной, и ей совсем не хотелось присутствовать при катаклизме и лицезреть руины, что остались бы после того, как вся накопившаяся в нем ярость изверглась бы из него.

— Доброе утро, Дикки, — с нервным придыханием сказала Кристиана, подойдя к мужу. Она приподнялась на цыпочки, чтобы поцеловать его в холодную жесткую щеку, словно все было хорошо, словно она не боролась с искушением пуститься в бега, словно не чувствовала, как в нем закипает гнев.

Тот не считал нужным даже ответить на ее приветствие.

— Я как раз объяснял твоим сестрам, что приезжать без приглашения в такую рань — верх неприличия.

— Да, но родственникам позволяется иногда пренебрегать условностями, не так ли? — сказала Кристиана и мысленно поморщилась. Она была самой себе противна за этот умоляющий тон. Было ясно как день, что она стремится избежать безобразной сцены, и сестры ее, конечно же, это понимали. Как это унижительно! Даже более неловко, чем то, что Дикки решил пропустить ее увещевания мимо ушей.

— Мои родственники никогда бы не приехали без приглашения и без предупреждения, — процедил он сквозь зубы, глядя на ее сестер так, словно они были грязью под его ногами.

— Разумеется, ваши родственники так бы не поступили. Они все мертвы, — огрызнулась Сюжетта, и Кристиана бросила на нее тревожный взгляд. Затем она боязливо перевела взгляд на Дикки. Ее муж сквозь зубы втянул воздух и надулся как индюк.

Уловив признаки грядущего извержения вулкана, Кристиана быстро взяла его под руку и попыталась увести, лопоча:

— Почему бы тебе не позавтракать? А я тем временем поговорила бы с сестрами.

Дикки не пошевелился. Крепко упираясь ногами в пол, он делал вид, что не замечает, как она пытается его оттащить от сестер, и угрюмо взирал на Сюзетту, которая и не думала отступать. Она смотрела на него с таким же сердитым выражением и даже с вызовом.

Кристиана закрыла глаза на мгновение, борясь с искушением шлепнуть глупую девчонку. О да, Сюзетта вела себя довольно храбро, но, с другой стороны, что она теряла, если проиграет эту битву? Дикки не мог ее ударить. Он даже не мог никоим образом ее наказать. Это ей, Кристiane, придется расплачиваться за браваду сестры... расплачиваться во многих смыслах. Мало того что он станет битый час отчитывать ее за дерзость, попрекая родственниками, не имеющими представления о скромности и приличиях. Скорее всего он совсем запретит ей общаться с Сюзеттой, обосновывая это тем, что та оказывает на нее дурное влияние. И затем он добавит к этому наказанию много всяких мелких гадостей. Например, позаботится о том, чтобы ей готовили те блюда, которые она больше всего не любит. Или заставит ее под тем или иным предлогом вставать очень рано, когда так хочется спать, или прикажет ей ложиться спать тогда, когда так не хочется отрываться от хорошей книги, или заставит не ложиться допоздна, когда она будет валиться с ног от усталости.

Если в последнее время Дикки, казалось, надоело над ней издеваться и он оставил ее в покое, то теперь он, вероятно, постарается наверстать упущенное, и ближайшие несколько дней ей предстоит получать нескончаемые разговоры по любым, самым немислимым поводам. И только удостоверившись в том, что привел ее в состояние глубокой депрессии, заставит поехать с ним в город, чтобы купить какую-нибудь обновку. Но лишь затем, чтобы еще раз заявить, что у нее совершенно нет вкуса. Поэтому в конечном счете он приобретет совсем не то, что выбрала бы она сама. Все это были, конечно, мелкие шпильки, но

когда их множество и они повторяются изо дня в день на протяжении долгого времени, невольно придешь в отчаяние. Кому понравится жизнь, сплошь состоящая из пусть ничтожных, но постоянных терзаний?

И что хуже всего, Дикки постоянно критиковал ее внешность, находя в ней все новые изъяны. Ему все в ней не нравилось: ее лицо, фигура, платья, речь, манеры, родственники, ее образ мыслей, ее наивность, ее подруги или отсутствие таковых. Эти упреки никогда не прекращались, они капали ей на голову, постоянно и постепенно разъедали все, что осталось в ней от самоуважения. Теперь единственным ее желанием, когда она просыпалась, было поскорее прожить этот день и забыться сном. Иного способа убежать от действительности у нее не было. О самоубийстве не могло быть и речи, как, впрочем, и о разводе.

— Где ваш отец? — внезапно взревел Дикки, тем самым вернув Кристиану к действительности. — Что это за мужчина, который позволяет своим незамужним дочерям шататься по городу без него?

— Дикки, успокойся, ты не прав, — возразила ему Кристиана, встав на сторону Сюжетты. — Прошу тебя, не волнуйся. Твой завтрак стынет. Почему бы тебе не...

— Наш завтрак, — резко одернул ее муж, и на лице его появилась такая знакомая Кристиане улыбка, которая не сулила ей ничего хорошего. Она мысленно вздохнула. Он придумал, как ее наказать. А возможно, и не только ее. — Но ты права. Завтрак действительно остывает, пока мы тратим время на незваных гостей.

Кристиана внезапно обнаружила, что ее ладонь крепко сжата в ладони Дикки, и в ту же секунду он потащил ее за собой по коридору.

— Проводи сестер моей жены в гостиную, Хавершем. Мы зайдем к ним после того, как насладимся завтраком, который так долго и старательно готовил повар.

Кристиана бросила на сестер прощальный тревожный взгляд, которым попыталась предупредить их, чтобы не

делали глупостей, и уже в следующее мгновение оказалась в столовой. Дикки громко захлопнул за ней дверь.

— Твоему отцу должно быть стыдно за то, что он воспитал таких дерзких, таких безнравственных дочерей, — процедил он, подведя ее к буфету. — Вас всех надо бы очень долго муштровать, чтобы получился хоть какой-то толк. Но разве твоему папаше под силу справиться с вами, если он и себя-то не научился держать в руках?

Кристиана хранила молчание. Она лишь взяла тарелку и принялась выбирать еду из того, что предлагалось. Она уже давно научилась тому, что любая реплика с ее стороны приводит лишь к очередному, еще более злобному выговору, и потому, взяв ломтик поджаренного хлеба и немного фруктов, хотела было отойти и сесть за стол.

— Ты будешь есть как положено, жена, — рявкнул Дикки, заставив ее замереть. — Дай мне свою тарелку.

Кристиана прикусила язык, когда он вырвал тарелку у нее из рук, и подавила вздох, когда Дикки принялся накладывать на нее горкой жареные почки и копченую сельдь — еду, которую, как ему было известно, она ненавидела. Похоже, наказание уже началось.

— Вот. Теперь ты можешь сесть.

Стоило ей бросить взгляд на тарелку, которую сунул ей под нос Дикки, как она увидела, что он положил туда и омлет. Она предпочитала вареные яйца, но послушно взяла тарелку и пошла за стол. Но все это время Кристиана горячо сожалела о том, что у нее не хватает духу запустить в него этой тарелкой, размазать ее содержимое по его физиономии. К несчастью, никогда в жизни она не позволяла себе такой дерзости. Возможно, если бы он обращался с ней так, как сейчас, до того как она вышла за него замуж, она бы так и сделала, но тогда он был сплошное обаяние и любезность. Так вести себя Дикки начал лишь после свадьбы, и Кристиана была так испугана, так ошеломлена столь внезапно произошедшей с ним переменой,

что долго не могла прийти в себя. А когда она осознала всю необходимость умения постоять за себя, было уже слишком поздно. Придирки и мелочная жестокость сделали свое дело, и, вместо того чтобы спорить с ним, она стала сомневаться в себе. Может, то платье, что он критиковал, было слишком открытым или оттенок его действительно ей не подходил? Уверенность Кристианы в себе с каждым днем падала, и чем дальше, тем меньше она была способна на самостоятельные поступки. И теперь, вместо того чтобы подумать над тем, прав ли он или все же не прав, она просто пыталась усмирить его, успокоить и, по возможности, ему угодить. Как-то так случилось, что она превратилась в рабыню, у которой меньше прав, чем у работающей на них прислуги.

— Ты ничего не ешь, — пробормотал Дикки, присоединившись к ней за столом.

Кристиана пожала плечами:

— Я не голодна.

— Мне это безразлично. Ты слишком тощая. Ешь, — приказал Дикки и, чуть помедлив, добавил: — Твой рацион ужасен, в нем не хватает белка. Ешь то, что я тебе положил.

Кристиана повесила голову и принялась за еду, стараясь как можно скорее проглатывать пищу, чтобы не чувствовать ее вкуса, и потому была несказанно рада, увидев, что тарелка наконец опустела.

— Что ты делаешь?

Кристиана замерла и, подняв глаза на мужа, сказала:

— Я все съела, Дикки. Я подумала, что могла бы пойти к сестрам и...

— Я еще не закончил. — Увидев растерянность на лице жены, он раздраженно бросил: — Разве я требую слишком многого, рассчитывая на то, что жена составит мне компанию во время завтрака?

Кристиана, отодвинув тарелку, замерла, прислонившись к спинке стула. Она сидела смиренно, но внутри ее

закипала ярость. Они никогда вместе не завтракали. Ни разу. Дикки или вставал намного раньше Кристианы, завтракал и уходил из дома еще до того, как просыпалась она, или вставал позже и завтракал один. Вначале Кристиана из-за этого переживала, полагая, что супруги должны сидеть за столом вместе, но вскоре научилась радоваться тому, что мужа с ней не было хотя бы утром. Она прекрасно понимала, что Дикки, удерживая ее возле себя, всего лишь пытается заставить ее сестер ждать как можно дольше, и это ее раздражало.

Казалось, прошла целая вечность до того момента, как Дикки наконец доел все, что было у него на тарелке, и встал из-за стола. Затем он взял ее под руку и повел в гостиную, еле передвигая ноги. Улитке потребовалось бы меньше времени, чтобы пройти этот путь. Кристиана, стиснув зубы, терпела. Когда он, усадив ее в кресло, встал рядом, прислонившись бедром к подлокотнику ее кресла, она готова была перегрызть ему горло. Дикки смотрел на нее, как хищная птица на беззащитного мышонка. Еще мгновение — и он спикирует и схватит ее когтями. Затем он обвел недовольным взглядом ее сестер. Ее муж смотрел на них так, словно они были избалованными детьми, которых ему предстояло научить дисциплине.

— Итак? Какое срочное дело привело вас сюда в столь неурочный час?

Сюзетта скосила глаза на Кристиану, затем на Лизу, после чего, вооружившись довольно прохладной улыбкой, любезно ответила Дикки:

— Ничего особенного. Мы просто ужасно соскучились по Кристиане. Прошло уже больше года со дня вашего бракосочетания, а вы ни разу не привезли ее к нам погостить, как обещали.

Кристиана почувствовала, что Дикки весь натянулся как струна, когда Сюзетта напомнила ему о данном им обещании, и вздохнула про себя. Теперь у него появился лишний повод, чтобы ее наказать.

— Я граф, барышня, я важная персона, и я слишком занят, чтобы тратить время на пустяки. Мне некогда шататься по окрестным деревням, когда здесь, в городе, так много работы, — сквозь зубы процедил Дикки.

— Ну что же, мы наконец встретились, — пробормотала Кристиана, опередив Сюзетту, пытаясь помешать ей сказать что-нибудь еще. — И я очень рада вас видеть. Вы должны рассказать мне обо всем, что случилось с тех пор, как я уехала из дома.

К огромному облегчению Кристианы, Сюзетта поняла намек и немедленно принялась во всех подробностях излагать все новости, касающиеся жизни в усадьбе. Мало-помалу сестра по-настоящему увлеклась игрой, и в глазах ее плясали озорные огоньки, когда она перечисляла, кто из слуг женился, а кто еще нет, пересказывала все местные сплетни, какими бы скучными они ни казались. Что касается Лизы, то она сидела молча, и в глазах ее все явственнее проступали тревога и нетерпение. Дикки, похоже, тоже вся эта болтовня стала действовать на нервы. Для всех стало большим облегчением, когда он внезапно встал, бросив раздраженно:

— Вынужден вас оставить. Мне некогда с вами болтать. Меня ждут важные дела.

— Слава Богу, — простонала Сюзетта, когда дверь за ним закрылась, и тут же маска напускной веселости сползла с ее лица. Глаза ее горели гневом, когда она, подавшись вперед, с нажимом в голосе спросила у Кристианы:

— Что тут происходит, черт возьми? Он все время так себя ведет? Господи, он был совсем другим, когда ухаживал за тобой. Цербер!

— Тсс, — прошептала Кристиана. Она встала, быстро подошла к двери и опустила на колени, чтобы заглянуть в замочную скважину. Не увидев ничего, кроме пустого коридора, она облегченно вздохнула и повернулась лицом к сестрам.

— Твой муж — настоящее чудовище, — тихо сказала Сюжетта, когда Кристиана опустилась на кушетку между сестрами. — Мы все сочувствуем тебе. Ты выглядишь усталой и бледной. Он плохо с тобой обращается, так?

— Не будем об этом, — устало сказала Кристиана. Едва ли кто-то мог помочь ей, а говорить об этом — все равно что беречь рану. Станет еще больше. Проще всего было вообще не думать о той ситуации, в которой она оказалась. — Что случилось? Почему вы здесь?

Сестры переглянулись, и затем Лиза наконец заговорила — впервые с момента приезда.

— Отец снова стал играть на деньги, — объявила она.

— Что? — Кристиана прикусила губу. — Но он обещал никогда не делать этого после того, как Дикки оплатил его картонный долг.

...Вот почему она стала женой Дикки. Всего раз в жизни проведя ночь в казино, их отец едва не разорился. Чтобы оплатить долги, он продал почти все драгоценности, переходившие из поколения в поколение, но этого оказалось мало. Как оплатить оставшуюся часть долга, он не знал. Кредиторы уже обивали порог их дома, когда спасение явилось в виде улыбчивого и любезного Дикки. Он прибыл в Мэдисон-Мэнор, чтобы просить руки Кристианы, и, услышав об их затруднительном положении, предложил уладить все дела в обмен на согласие Кристианы стать его женой.

Надо отдать должное отцу — он не давал согласия до тех пор, пока Дикки не убедил его, что любит Кристиану. Он заявил, что увидел девушку на местной ярмарке и даже имел удовольствие поговорить с ней, пусть недолго. Сама Кристиана, впрочем, этого разговора не помнила. Дикки также утверждал, что был очарован ею и что он навел о ней справки и все, что ему удалось о ней узнать, вполне ему понравилось.

Слова его звучали убедительно, и ее отец склонился к тому, чтобы поверить ему, но, несмотря на свое отчаян-

ное положение, настоял на том, что благословит их союз лишь в том случае, если Кристиана захочет выйти за Дикки замуж. К несчастью, убедить ее оказалось легко. Дикки хорош собой, богат, и к тому же он был графом. Любой девушке было бы лестно внимание такого мужчины. А как он за ней ухаживал! Он был сама любезность, называл ее розовым бутончиком, читал трогательные стихи о вечной любви, осыпал цветами. У деревенской простушки, всю жизнь общавшейся лишь с сестрами и детьми соседей, от всего этого голова пошла кругом, и очень скоро Дикки добился от нее согласия.

Кристиана поморщилась, подумав о том, какой наивной дурой она была. Теперь она понимала, что могла бы уже тогда задуматься над его истинными мотивами, задать ему кое-какие вопросы и не торопиться с принятием окончательного решения. Но кредиторы установили жесткие сроки оплаты долга — две недели, и она по простоте душевной верила каждому слову своего ухажера. Она была уверена, что он ее любит, ведь Дикки так старательно за ней ухаживал! Да и какие иные мотивы, кроме любви, могли у него быть? Ведь он не мог знать о громадном приданом, что завещал ей и ее сестрам отец ее матери, покойный барон Сефтон. Это была семейная тайна.

Конечно, как только они поженились и его поведение так резко изменилось, Кристиана начала кое-что подозревать. По-видимому, он откуда-то узнал, что она богатая невеста, и поставил цель добиться ее руки во что бы то ни стало. Она лишь не понимала, откуда он мог узнать об этом.

— Отец сказал, что он не собирался играть, — уныло сообщила Сюжетта, вернув тем самым Кристиану к насущным проблемам. — Он ужасно расстроен. Пытается изыскать средства на оплату долгов, но ничего не может придумать.

Кристиана презрительно поджала губы. В прошлый раз он тоже очень расстроился. И что толку?